

«Главное - быть собой».
Из переписки А. Пастуховой с Ю. Трифоновым и другими
известными писателями

ТАТИАНА КОЛЕСНИКОВА, филолог
journalmundoeslavo@gmail.com

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 2014 году оборвался жизненный путь Аллы Павловны Пастуховой, журналиста, ведущего научного редактора Госполитиздата, литературного критика, заслуженного работника культуры РСФСР. После смерти моей родственницы у меня в руках оказался архив Аллы. Разбирая его, я окунулась в атмосферу напряженной литературной жизни 70-х годов периода «застоя», когда вопреки идеологическому диктату «большая» литература пробивала себе дорогу не только в самиздате, но и через деятельность советских государственных издательских организаций, в которых работали творческие люди, ценители истинных талантов. Передо мной встала нелегкая задача - привести в порядок этот литературный архив, не только раскрывающий личность дорогого мне человека, но и ее отношения с писательским миром. Поскольку некоторые письма не были датированы, время их написания можно было определить лишь приблизительно. В настоящей публикации, основанной на воспоминаниях о нашем общении с Аллой, а также на личном восприятии того, что мне довелось узнать из архива, я сделала попытку осмыслить и воссоздать ее образ как человека бескомпромиссного, всецело отдавшего себя служению литературе, отобразить и подготовить к публикации письма ее второго мужа - писателя Юрия Трифонова, а также видных деятелей культуры, писателей «оттепели», с которыми ее связывали долгие годы плодотворной работы и дружбы. Я приняла решение не только напечатать их, но и сделать необходимые пояснения, высказать свою точку зрения на людей и события, связанные с жизнью А. Пастуховой, оценить ее вклад в творчество Трифонова как редактора его произведений за 11 лет их совместной личной и творческой жизни. Нельзя было не сказать и о том, какие испытания выпали на долю любивших друг друга людей, как тяжело пережила Алла Павловна развод с мужем и что преподнесла судьба Трифонову в последние два года его жизни. Значительное место в публикуемых материалах я отвела отзывам о Пастуховой таких известных писателей, как К. Чуковский, Б. Окуджава, В. Аксенов, Э. Миндлин, А. Гладиллин, И. Ефимов и др., которые высоко ставили ее литературный дар и профессионализм, отмечали ее редкие душевные качества. Заканчивая это краткое предисловие, приглашаю читателя погрузиться в наше недавнее прошлое и оценить роль А. Пастуховой в истории сложного и противоречивого периода 70-х годов, времени выхода в свет повестей «Другая жизнь», «Дом на набережной», «Старик» - лучших произведений Ю. Трифонова.

Филолог Татьяна Колесникова

Пастухова Алла Павловна родилась в Москве 30 сентября 1936 года. Ее родители были образованными, интеллигентными, творческими людьми.

Литературный дар, феноменальную память и редкую интуицию Алла унаследовала от Пастухова П.И., юриста и военного дипломата. Окончив юридический факультет МГУ, Пастухов занимал руководящие должности в Главном Управлении МО СССР, работал военно-дипломатическим представителем за границей. Мать Пастуховой посвятила свою жизнь мужу, сопровождая его в длительных заграничных командировках. От нее Алле досталась красота, женственность, доброта и способности к языкам.

Творческая атмосфера в доме, общение Аллы с интересными людьми оказали большое влияние на формирование ее мировоззрения и выбор профессии.

Любовь к литературе определила дальнейшую судьбу Аллы. Она посвятила себя литературной деятельности.

Алла Павловна Пастухова в юности

А. Пастухова окончила факультет журналистики МГУ, блестяще защитила диплом. Уже тогда она приняла решение заняться исследованием творчества А.П.Чехова, своего любимого писателя, и написать о нем книгу.

Из дипломной работы Аллы Пастуховой «Чехов и юмористическая журналистика 80-х годов»:

«...Те, кому хоть раз удавалось приблизиться к его душе, увидеть ее, настоящую, спрятанную от чужих глаз под оболочкой безудержного юмора, те навсегда покорялись ее власти, отдавали свои сердца ему – Антону Павловичу Чехову.

...Как много подарил людям этот большой человек, неповторимый в своей простоте и душевной щедрости, со всеми одинаково приветливый, внимательный и добрый... Словно и не было превосходства его, чеховского, ума и таланта. Словно он такой, как все, ничем не примечательный, простой, обыкновенный. В общении с людьми он и был таким. Он, необыкновенный, живший в таинственном мире, населенном образами, видевший то, чего не замечали остальные. Никакой заносчивости, сознания своей «особенности» не было в нем и в помине».

Для Аллы Чехов был идеалом писателя и человека. Любовь к нему она пронесла через всю свою жизнь. Ее восхищала внутренняя свобода Чехова. Он всегда оставался

самим собой – не приспособливался к жизни, не кривил душой.

В этом Алла Пастухова была похожа на своего кумира. Главным для нее было – не изменять себе и своим нравственным принципам.

Вспоминает Лариса Родкина, редактор и коллега Аллы Пастуховой.

Передо мной фотография, датированная 1962-м годом, с подписью – «Госы» (государственные экзамены). Мы стоим небольшой группой около входа в наш родной журфак МГУ на Моховой. Рядом со мной моя университетская подруга Алла Пастухова. Более полвека прошло, целая жизнь.

Я помню ее тогдашнюю – высокая, стройная, милая, мягкие черты лица, русые густые волосы в аккуратной стрижке (позднее она будет носить челку, как обожаемая ею Цветаева, но не в подражание, а по совпадению). Штрих к ее женственности – ей очень шли любые головные уборы, что не часто встречается среди нас, женщин.

Наше университетское время пришлось на конец 50-х – начало 60-х годов – время перемен. Мы жадно читали все, что всплывало из запретов и забвения, учились, пытались самостоятельно думать, много говорили, хотели знать. Местами наших дислокаций были, кроме аудиторий и коридоров факультета, – Ленинка, выставочный зал Манежа, кинотеатры, консерватория, скамейки Александровского сада, Тверского бульвара, Патриарших прудов...

И среди нас наиболее творческой, колоритной, живой натурой была Алла. Уже тогда (и пожизненно) в ней польхала (по-другому не могу сказать) любовь к А.П. Чехову – писателю и человеку. Он был темой ее курсовых работ, а затем и диплома. Она пропадала в Ленинке, копалась в старых изданиях и периодике.

Ей был дан талант литературного критика. Впоследствии, когда Алла стала работать издательским редактором, этот талант ей очень пригодился. Надо сказать, что художественная литература, чтение не было чем-то сопровождающим ее жизнь, это было органическим составляющим ее духовных интересов.

Кроме литературы еще одно искусство доставляло ей радость – кино. Я любила ходить с ней на новинки: отечественные, французские, итальянские. Она хорошо знала кинематограф, разбиралась в направлениях, в творчестве режиссеров, артистов – наших и зарубежных.

В ней было такое неброское обаяние интеллигентного человека – негромкий голос, нелюбовь к толпе, к тому, что сейчас зовется тусовкой (она говорила, что папа называл ее запечным сверчком), сдержанный вкус в одежде, третьестепенность быта в шкале ее ценностей. Однако тихоней она не была: умела отстаивать свое мнение, зачастую весьма категорично и энергично.

В восприятии человека была очень чутка, редко обманывалась, хотя имела склонность к преувеличению. Будучи человеком искренним, не терпела в других фальши, не любила в людях душевной глухоты.

После окончания университета мы связи не теряли, но это уже для каждой из нас была другая жизнь.

Январь 2017г.

Свой творческий путь Пастухова начала с работы корреспондентом в газете «Московский комсомолец». Там же она познакомилась со своим первым мужем, который заведовал отделом в «Московском комсомольце», а позже работал заместителем главного редактора газеты «Советская Россия». Они прожили вместе десять лет.

Пастухова активно публиковалась в «Московском комсомольце», «Вечерней Москве», «Юности», в других газетах и журналах, писала рецензии на понравившиеся ей книги, фильмы, спектакли.

В редакции газеты ей предложили написать рецензию на книгу Трифонова «Утоление жажды». Рецензия очень понравилась литературным критикам, в том числе и самому писателю.

У Аллы была интересная и насыщенная жизнь. Она увлекалась театром, кино, живописью, не пропускала ни одной выставки, ни одного интересного спектакля, прекрасно разбиралась в классической музыке, хорошо пела и играла на фортепьяно.

Занималась она и своим любимым делом – исследованием творчества Чехова, делала подборку материалов о Чехове и его современниках, сама много о нем писала.

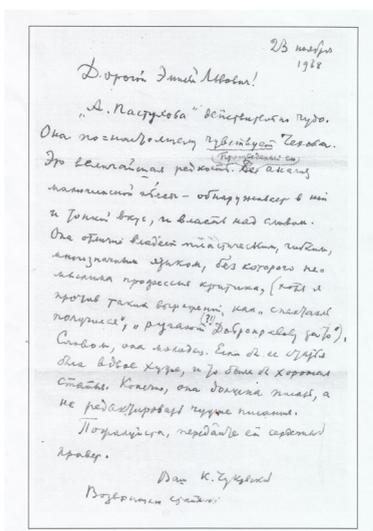
К.И. Чуковский, писатель и строгий критик, прочитав статьи Пастуховой, дал им высокую оценку. Он пригласил Аллу Павловну в гости в Переделкино и в ходе беседы предложил сотрудничество в задуманном им проекте о Чехове и его современниках. Чуковский сказал Алле Павловне, что у нее литературный дар и она обязательно должна писать.

Вот как вспоминала Пастухова об этой встрече с большим писателем:

«...Очень хорошо и радостно вспоминаю тот вечер, когда была у Вас, поражаюсь Вашей молодости душевной и ясности. Это не комплименты, это – от души. Я поняла, что с Вами можно быть самой собой, говорить «все как есть», без хождения по кругу, без подворотен – легко и просто. Спасибо Вам, дорогой Корней Иванович, за то, что Вы оказались именно таким, каким я представляла Вас себе...».

Кроме статей о Чехове Пастуховой была написана большая рецензия на спектакль в Театре Вахтангова. Она писала о Чехове–писателе и о Чехове–человеке, о режиссуре спектакля, об игре актеров.

К.И. Чуковский, ознакомившись с рецензией Пастуховой, поделился своими впечатлениями с писателем Э. Миндлиным, который, как и Чуковский, много писал о Чехове.

Дорогой Эмилий Львович!

А. Пастухова действительно чудо. Она по-настоящему чувствует Чехова. Это величайшая редкость. Произведенный ею анализ Малюгинской повести обнаруживает в ней и тонкий вкус, и власть над словом. Она отлично владеет пластическим, гибким, многозначным языком, без которого немислима профессия критика.

Словом, она молодец. Конечно, она должна писать, а не редактировать чужие писания.

Пожалуйста, передайте ей сердечный привет.

Ваш К. Чуковский.

Оригинал письма К. Чуковского Э. Миндлину.

Вскоре Пастухова получила письмо от Чуковского:

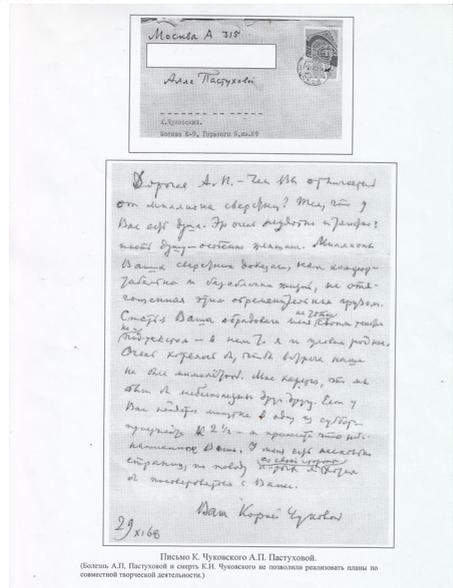
Дорогая А.П.

Чем Вы отличаетесь от миллиона сверстниц? Тем, что у Вас есть душа. Это очень неудобно и тягостно иметь душу – особенно женщине. Миллионы Ваших сверстниц доказали, как комфортабельна и безоблачна жизнь, неотягощенная этим обременительным грузом. Статья Ваша обрадовала меня не только своим текстом, но и подтекстом – в нем-то я и уловил родное.

Очень хотелось бы, чтобы встреча наша не была мимолетной. Мне кажется, что мы были бы не бесполезны друг другу.

Если у Вас найдется минутка в одну из суббот – приезжайте к 2 ½ и принесите что-нибудь, написанное Вами. У меня есть несколько страниц, по поводу которых я со своей стороны хотел бы посоветоваться с Вами.

Ваш Корней Чуковский
29.11.68г.

Оригинал письма К. Чуковского А. Пастуховой

При встрече Чуковский делится с Пастуховой планами на будущее. Они обсуждают предстоящую совместную работу. Но неожиданно Чуковский заболевает. Новая встреча откладывается. А.П. очень беспокоится о здоровье писателя, который стал для нее дорогим и родным человеком, близким по духу. Пастухова пишет ему письмо.

Дорогой Корней Иванович!

Была я в Переделкине раза два, но мне сказали, что к Вам нельзя.

Поправляйтесь, пожалуйста, скорее. Уже весна близко, морозы почти ушли.

Недавно я читала своему трехлетнему племяннику любимых моих «Котауси» и «Мауси». Он пришел в восторг неопишущим и улыбался одной из своих лукавых улыбочек – их у него в запасе много. И с тех пор, как говорим с ним по телефону, каждый раз просит снова «про Мауси». Особенно потрясли его «глазауси» и «зубауси».

... Читала Вашу последнюю статью о Чехове. Как было бы прекрасно, если бы удалось Вам все-таки переубедить издателей, что нельзя печатать подряд все, написанное А.П. Чеховым.

... Не буду утомлять Вас длинным письмом. Просто хочу еще раз сказать – я очень жду, когда Вы поправитесь.

А.Пастухова

К сожалению, планам на совместное сотрудничество Чуковского и Пастуховой не суждено было реализоваться. Очень скоро К.И. Чуковский ушел из жизни.

Пастухова не переставала думать о самостоятельной творческой деятельности. Хотелось перемен, чего-то нового. Когда ей было сделано предложение принять участие в работе по созданию новой редакции (серии «Пламенные революционеры»), она согласилась. Тогда она себе и представить не могла, с какими трудностями ей

придется столкнуться в будущем, как круто изменится ее творческая и личная жизнь.

В Политиздате это была единственная редакция, которая выпускала историко-художественную литературу.

Серия быстро завоевала популярность и имела огромный успех. Писатели старались возродить жанр исторического романа, сказать правду, показать свое видение современных событий через историю. Это было совершенно новое, необычное направление в Политиздате, где в основном, выпускалась политическая литература. В серии печатались такие известные писатели, как Булат Окуджава, Василий Аксенов, Юрий Давыдов, Натан Эйдельман, Эммануил Миндлин, Станислав Рассадин, Юрий Трифионов, Анатолий Гладилин, Яков Гордин, Игорь Ефимов, Армен Зурабов. Все их книги выходили под редакцией А.П. Пастуховой.

Авторы сразу оценили ее профессионализм. Они отзывались о Пастуховой как о талантливом, высококвалифицированном редакторе, обладавшем тонким чутьем языка, художественным вкусом и эрудицией.

Э.Миндлин, написавший книгу о Коллонтай, выразил благодарность своему редактору в письме, адресованном руководству издательства:

Считаю своим нравственным долгом принести свою глубокую признательность за огромную помощь в работе, оказанную мне редакцией в лице А.П.Пастуховой.

Книга о Коллонтай – моя 19-я книга, и у меня немалый опыт работы с редакторами. Я должен отнести А.П.Пастухову к разряду наилучших редакторов, с которыми мне когда-либо приходилось работать.

Тема «Коллонтай» оказалась чрезвычайно сложной. И здесь (как и во многих других случаях), приходила на помощь удивлявшая меня образованность и творческая находчивость моего редактора.

Редактор А.П.Пастухова не ограничивала свою миссию обычной редакторской правкой рукописи, но, предъявляя требования дополнить, дописать, переделать и т.п., сама разыскивала дополнительные материалы, источники, указывала мне на них, добывала их, производила работу, выходящую далеко за рамки обычной редакторской работы.

Мне тем приятнее сказать Вам, что чрезвычайно высокую оценку литературных способностей и вкуса Пастуховой дал такой взыскательный критик, как всеми уважаемый Корней Чуковский...

Со своим вторым мужем – писателем Трифионовым Пастухова познакомилась в начале 1967 года, когда Трифионов принес в издательство рукопись романа «Нетерпение».

Красивая, обаятельная, женственная, А.П. привлекала к себе внимание. Не устоял и Трифионов. Пастухова была замужем, и у нее и в мыслях не было заводить романы. Трифионов интересовал ее только как писатель.

Алле Павловне рукопись понравилась, и она с большим энтузиазмом включилась в работу по подготовке книги в печать.

Деловое сотрудничество незаметно переросло во взаимную симпатию. После выхода в свет романа Трифионов написал:

«Аллочка! С этой книги все началось. Спасибо тебе за то, что появилась эта книга. Спасибо этой книге за то, что появилась ты».

В то время в жизни Трифионова был очень тяжелый период. Он пережил внезапную

смерть жены – певицы Нины Нелиной. Его не покидало чувство вины за все, что с ней случилось, когда после их бурной ссоры он не откликнулся на ее просьбу приехать к ней и оставил ее одну.

Трифонов был подавлен. Он не мог ни писать, ни общаться с людьми. На руках осталась дочь-подросток.

Свое состояние Трифонов описал в нескольких письмах к Пастуховой:

1. *«Жизнь меня ударила так, что я еле на ногах устоял. Иногда казалось, что ничего у меня уже не будет ни в работе, ни в жизни...»*

2. *«...Ты не знаешь всего ужаса, что я пережил. Только дочь моя, которой я так мало отдавал своего времени, своей души, связывала меня и еще смутная надежда, что я еще что-то смогу сделать...»*

3. *«...Я писатель, я должен писать, а для этого мне нужна почва под ногами, ясная голова и родная душа. Вот я и верю, что ты моя родная душа, и верю, что ты мне можешь дать все это.»*

Трифонов не ошибся. А.П. не только поддержала его в этот самый сложный для него период. Она дала ему надежду, сделала все возможное, чтобы он пришел в себя, поверил в свои силы, вернулся к творчеству, почувствовал, что жизнь продолжается. Обычно суровый, замкнутый, неразговорчивый, Трифонов вдруг преобразался, рассказывая о себе, своих чувствах, переживаниях:

«Моя родная! Ты стала для меня родной. Это правда. Это то, что я сейчас чувствую...»

Алла Павловна умела выслушать и понять другого человека. Юрий Валентинович это очень ценил. Он говорил, что А.П. вернула его к жизни.

«...Я тебя очень люблю. Когда я думаю о тебе, меня охватывает какое-то смешанное чувство тоски и нежности.»

Таким сентиментальным и трогательным его не знал никто. И это только немногие строчки из большого количества писем Трифонова, очень личных и очень эмоциональных. Этические нормы не позволяют публиковать все, что написано, выставляя напоказ личные взаимоотношения двух любящих людей.

Прошел месяц с нашего личного дня 14 августа 67
 Ответа на мое письмо еще нет. Сейчас 11 часов
 утра, письмо у нас приходит около часу.
 Жара здесь немного спала, сейчас 27-28°. Мир
 чудное, волнует, купание не совсем доставляет
 ту остроту радости, какой была в первые дни.
 Вообще, хочу в Москву и увидеть тебя. Здесь
 жарко. Больше никогда не кожду летом не
 ют. Работать не могу - не написала ни
 строчки. Все сам-то переболел. Я два дня
 дома кис, летал дома. Мы тут организовали
 вечеринку на паях - все равно устраивать
 вечеринки и рагтайм. Публики следуют.
 Артур, Алекс, Штейн, Эдис, Искадер, Коже-
 ны и Э. Вера и даже Алексин и все.

Отрывок из письма Ю. Трифонова А. Пастуховой от 14 августа 1967г.

Отношения развивались стремительно. Ю.В. и А.П. встречались каждый день.

Трифонов вспоминал, как они бродили вместе по улицам Москвы. Расставаться не хотелось:

1. «...Из всех воспоминаний самое сильное, может быть, по остроте и боли – наше расставание на троллейбусной остановке. Это было как медленное и молчаливое мучение. Я запомнил твое лицо, когда ты уходила.»

2. «...Ты торопилась в «Ударник» на «Мужчину и женщину» и тебе не хотелось идти, и мне не хотелось прощаться, и что-то радостное и непоправимое уже случилось между нами. Я это чувствовал, ты тоже.»

Но Трифонову было мало этих встреч. Он хотел, чтобы они всегда были вместе.

«...Как трудно писать просто! Просто сказать: «Хочу жить с тобой.» Не знаю, что у нас будет дальше. Это зависит не только от нас, хотя, в основном, от нас. Но знаю одно: Я люблю тебя! Это произошло. Душа моя медленно наполняется.»

Пастухова долго не соглашалась переехать к Трифонову. Она боялась причинить боль своему мужу, который ее очень любил. Кроме того, она не знала, как к этому отнесется дочь Трифонова. Ю.В. настаивал, говорил, что без Аллы Павловны он не мыслит своей дальнейшей жизни.

«...Меня охватила тоска. Взял твое письмо и перечитываю – сегодня уже второй раз. Могу сказать одно – чувствую, что ты мне нужна. Без тебя мне плохо, жмет сердце.... Вспоминаю тебя, и что-то оттаивает в груди. Есть человек, есть душа родная. Как это много!»

Уехав в творческую командировку, Трифонов очень скучал и писал Алле Павловне в Москву, а потом в Палангу, где она отдыхала летом.

«Я по тебе страшно соскучился. Мне даже странно, что мы виделись когда-то ежедневно. Нет, я не отвяз, я тебя очень люблю, люблю все наши воспоминания. Ты мне нужна, бесконечно нужна. Женщин тут много, всяких, и возможностей много, но мне никто не нужен – кроме тебя. Мне кажется диким, что ты 10 лет жила с кем-то чужим.

Совершенно не представляю себе, как ты там живешь в Паланге. Пишешь мне мало. Я пишу тебе уже 6-е письмо, а от тебя получил четыре...

Твое большое письмо было для меня самой большой радостью за этот месяц. 28-го будет как раз месяц, как мы в разлуке. Наверное, я пишу однообразные письма, но мне хочется писать не о наших подробностях здешнего быта, окружения, погоды, а только о том, что ты мне нужна и я тебя страшно люблю...»

После долгих уговоров Пастухова согласилась жить с Трифоновым в его квартире на Песчаной.

Случилось то, чего так опасалась Алла Павловна. Оля, пятнадцатилетняя дочь писателя, не смогла смириться с тем, что через год после трагической смерти ее матери в их доме поселилась другая женщина. Свое недовольство она выражала разными способами, порой очень обидными и болезненными для Аллы Павловны.

Выходных у А.П. не было. Она всецело отдала себя творчеству Ю.В., сутками просиживала над его рукописями. На хозяйство и быт времени и сил не оставалось. Хозяйством она занималась мало. В этом Оля была права. Но существовала и другая

причина. Дочь ревновала отца, считала, что сама в состоянии ухаживать за ним. Вторая хозяйка на кухне была лишней. Позже Оля вспоминала, как однажды отец сказал ей: «Ты же не можешь заменить мне жену».

Алла Павловна любила Олечку, жалела ее, пыталась найти к ней подход. Ничего не получалось.

Утром Трифонов уезжал в ЦДЛ. Там собирались его друзья – сидели в ресторане, обедали, общались. Тогда Центральный Дом Литераторов был любимым местом встреч творческих людей.

Пастухова уезжала в издательство. Нужно было выполнять основную работу – сдавать в срок отредактированные рукописи, писать редакционные заключения, зарабатывать на жизнь. У Трифонова были материальные затруднения, так как он долгое время не печатался. Пастухова сама себя обеспечивала и помогала мужу.

Обстановка в доме накалялась. Своими переживаниями А.П. поделилась с родителями. Они пытались ее успокоить: «Потерпи, трудный подростковый возраст пройдет, и все у вас наладится». Но наладить отношения с Олей не удавалось. Иногда обе проявляли несдержанность, ссорились и подолгу не разговаривали.

А.П. переживала, ночами не могла заснуть. Ее беременность закончилась выкидышем. Трифонов навещал ее в больнице, пытался утешить, писал, что очень ее любит, никто, кроме нее, ему не нужен, и он никогда ее не оставит. Письмо это А.П. сохранила и часто его перечитывала.

О том, что произошло, она никому, кроме матери и сестры, не рассказывала.

Потеря ребенка значительно усугубила ситуацию. Возвращаться в дом было тяжело, и А.П. подолгу засиживалась в издательстве.

Э. Миндлин, писатель и близкий друг Пастуховой, старался ее поддержать.

Милая Аллочка!

Почему, зачем, во имя чего Вы работаете так, как никто из нас? Зачем Вы сидите в издательстве до 12-ти ночи? Что за вздор! Почему у других в этом нет необходимости, а именно у Вас есть? Ведь и нервы – то от того расходятся, что не высыпаетесь. Не будете спать – изведете себя.

...Вы умны, даровиты. Вы обладаете приятной внешностью, можете нравиться. Знаете, это довольно много и не так часто встречается. Отношение Ваше к работе Вы должны изменить.

...У Вас есть, для чего жить. Вспомните письма Чуковского, вспомните, что он говорил мне о Вас. Некогда писать? А Вы и не пишете. Вы побольше думайте о будущей своей литературной работе. Начните думать о книге, посвященной Чехову. Я взываю к Вашей воле. Только в ней спасение Ваше.

Жить с подростком под одной крышей было тяжело. Иногда Оля бурно демонстрировала свой протест. Позже она написала об этом в своих воспоминаниях. В конце концов, А.П. не выдержала и ушла. Трифонов переживал, уговаривал ее вернуться. Пришлось жить на два дома. Это было испытанием для них обоих.

В день свадьбы.

Поздравления друзей.

В 1970 году Трифонов и Пастухова смогли оформить свои отношения официально. Обязательства перед родственниками не жениться, пока дочь не вырастет, Трифонова больше не связывали.

Оля повзрослела. У нее появились свои интересы и новые друзья. Отца она больше так не ревновала.

Трифонов привык писать дома, в своем кабинете. У него была большая библиотека с редкими книгами, которыми он постоянно пользовался при работе над рукописями. Вечерами А.П и Ю.В. работали вместе. А.П. делала редакторскую правку новых глав очередного романа Трифонова. Совместная творческая деятельность скрепляла их союз.

Пастухова поддерживала дружеские отношения с В.Аксеновым, Б.Окуджавой, Н.Эйдельманом, вела активную переписку с Я. Гординым, И. Ефимовым, А. Зурабовым, Э.Миндлиным. Из письма Э.Миндлина:

«Милая Аллочка!

Ответа на первое свое письмо еще не получил, но, как видите, не дожидаясь, пишу второе. Вчера, слава Богу, шестая в этом месяце и последняя с моим участием конференция.

...На двух конференциях я читал подготовленную для «Собеседников» главу о Чуковском. Там и о Вас. На одной конференции был задан вопрос: «Жива ли Пастухова и что она делает?» Я ответил, что продолжает работать в Политиздате и, надеюсь, будет редактировать книгу о Морозове, как редактировала книгу о Коллонтай. Вопрос задан был в связи с тем, что я читал также о том, как Чуковский проектировал привлечь Пастухову к задуманной им серии изданий книг современников Чехова – да не успел. Поначалу он болел, потом болела Пастухова. А когда она выздоровела, он умер. Там же цитаты из его письма о Вас.»

Пастухова чувствовала большую ответственность, сотрудничая с талантливыми писателями, благодаря которым серия быстро завоевала признание и любовь читателей. Она проявляла высокую требовательность к себе и к людям. Когда попадалась не совсем удачная рукопись, ей приходилось многое переделывать (хотя это не входило в ее обязанности). В конце концов, получалась хорошая книга. В подобных ситуациях авторы, даже самые строптивые и несговорчивые, увидев положительный результат редакторской правки, благодарили своего редактора.

Сергей Тхоржевский («Испытание воли»):

Дорогая Алла Павловна!

Я так благодарен Вам за доброе отношение ко мне, за то, что Вы предложили мне написать эту книгу, и за то, что отвергли первый вариант, заставив меня написать второй. Спасибо!

Валерий Осипов («Река рождается ручьями»):

«Уважаемой Алле Павловне с благодарностью за помощь в работе над этой книгой и с надеждой быть в числе тех, кого такая элегантная, приятная и умная помощь ожидает в будущем.

Спасибо за все, а главное – за доброе сердце и веселую снисходительность к слабостям и недостаткам характеров Ваших авторов.»

К работе в серии был привлечен известный писатель В.Войнович. Алла Павловна знала его и считала талантливым писателем. Но «Повесть о Вере Фигнер», которую он принес в редакцию, оказалась неудачной. Рукопись нуждалась в серьезной доработке.

Пастухова дорожила своей репутацией лучшего редактора и считала, что не имеет права оставить без внимания стилистические погрешности, небрежность автора в изложении исторических событий и неискусный язык повести.

Приступив к работе над рукописью, Пастухова подвергла ее жесткой правке. Начались бесконечные споры. Войнович приходил в ярость, а А.П. расстраивалась и долго не могла прийти в себя от такого общения.

Редакционное заключение А.П.Пастуховой на книгу В.Войновича «Степень доверия. Повесть о Вере Фигнер.»

Рукопись В.Войновича страдает серьезными недостатками и может быть принята к изданию лишь после серьезной доработки. Она откровенно документальна – в прямом смысле этого слова. В ней документы играют не вспомогательную роль, как должно быть, когда речь идет о прозе, а явно солируют, выходят на первый план, заслоняя автора.

Очень много в рукописи всевозможной, зачастую лишней информации. События не показываются, а идет этаким бесстрастным, добросовестным, нередко скуповатым рассказ о них. Автор словно торопится как можно больше вместить в отпущенный ему объем, и это лишает его возможности показать живых людей с их характерами, судьбами.

...Как-то незаметно исчезает главная героиня, она уходит в тень и лишь иногда появляется как рядовая участница событий. И дело даже не в количестве отведенных ей страниц, а в принципиальной сути этих ее «появлений». Мы почти не узнаем, что она думает, что чувствует, иными словами, как развивается ее духовная жизнь.

В.Войнович – отличный писатель, тонко владеющий мастерством показа своих героев изнутри, умеющий слушать их внутренний голос, и мы вправе потребовать от него выявления этих своих возможностей в данной рукописи.

Прежде всего необходим строгий отбор исторических фактов, пропущенных сквозь призму деятельности и восприятия главной героини. Необходимо избавиться от хроникальности, сделать повествование образительно ярким, эмоциональным. И главное, не забывать о том, что книга должна быть посвящена Вере Фигнер, ее месту в революционном движении, ее отношениям с людьми, следует немного раздвинуть рамки лет, изображаемых в книге, показать Веру Фигнер и в тюрьме, что даст возможность более глубоко выявить особенности ее сложной, необычной натуры.

Это общие пожелания. Что касается конкретных замечаний, то автор найдет их на полях указанных страниц рукописи...

Кроме того, к редакционному заключению прилагаются рецензии, с которыми

редакция согласна. Считаю, что автор должен внимательно отнестись к замечаниям рецензентов и учесть их при дальнейшей работе над рукописью. Мы ждем доработанную рукопись в сентябре с.г.

Редактор А.Пастухова.

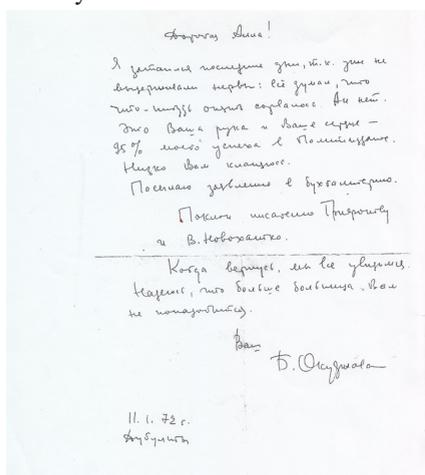
2 апреля 1970г.

Весьма нелестную оценку повести Войновича дала Ольга Трифонова - Тангян, дочь писателя Трифонова. Она была удивлена тем, как «недобросовестно отнесся талантливый литератор к жанру исторического романа, каким грубым языком описана им эпоха XIX века.» (Журнал «Чайка», №2, 2015 г.)

Войнович был уверен в своей непогрешимости и не терпел возражений. Отношения писателя и редактора испортились.

В практике Пастуховой это был редчайший случай. Все авторы, работавшие с Аллой Павловной, высоко ценили ее профессионализм, тактичность и деликатность, с которыми она подходила к людям.

Булат Окуджава после подписания в печать его книги «Глоток свободы» написал А.П. Пастуховой:

Оригинал письма Б. Окуджавы.

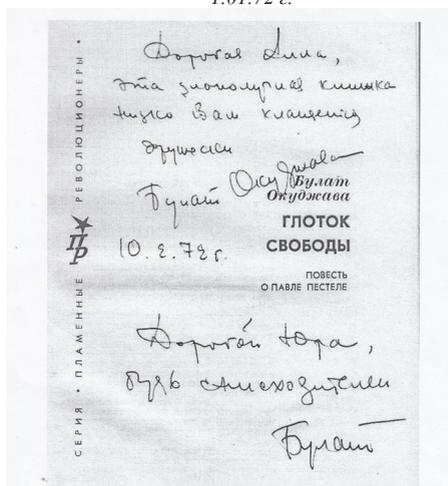
Дорогая Алла!

Я затаился последние дни, т.к. уже не выдерживали нервы: все думал, что что-нибудь опять сорвалось. Ан нет! Это Ваша рука и Ваше сердце - 95% моего успеха в Политиздате.

Низко Вам кланяюсь. Поклон писателю Трифонову и В. Новохатко. Когда вернусь, мы все увидимся.

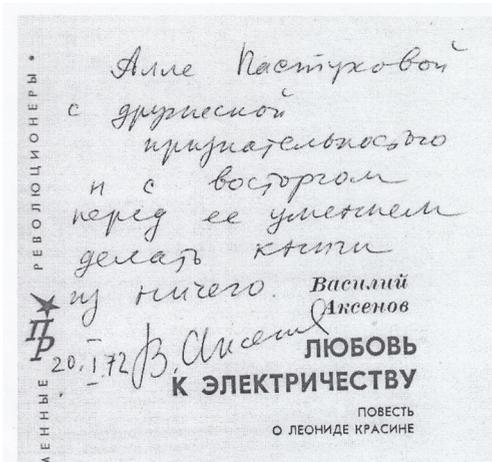
Ваш Б. Окуджава

1.01.72 г.

Автограф Окуджавы на его книге «Глоток свободы».

Известный писатель В. Аксенов подарил своему редактору книгу «Любовь к электричеству» со словами благодарности: «Алле Пастуховой с дружеской признательностью и с восторгом перед ее умением делать книги из ничего.»

Автограф В. Аксенова на книге «Любовь к электричеству».

Анатолий Гладилин («Евангелие от Робеспьера»):

«Алле Павловне Пастуховой – вдохновителю и организатору этой книги, как впрочем и всех наших побед, – с глубоким почтением, нежностью и раскаянием во всех литературных грехах.»

У Пастуховой очень напряженный график работы. Вечерами и в выходные она, как и прежде, просиживает над рукописями мужа. Она настолько увлечена творчеством Трифонова, что о себе совсем не думает, сама ничего не пишет. Друзья беспокоятся о ее здоровье. Писатели говорят ей, что она губит свой талант.

Семидесятые годы стали самыми плодотворными в творчестве Трифонова. Лучшие его книги, принесшие ему известность («Обмен», «Долгое прощание», «Дом на набережной», «Другая жизнь», «Нетерпение», «Старик»), вышли под редакцией Пастуховой. По совету жены и при ее непосредственном участии Трифонов переделывал и переписывал целые главы своих произведений. Он стал писать намного лучше. Это отмечали все – литературные критики, писатели, друзья Ю.В.

В этом была огромная заслуга Аллы Павловны, которая посвятила свою жизнь творчеству Трифонова, отказавшись от самостоятельной литературной деятельности, так блестяще начатой.

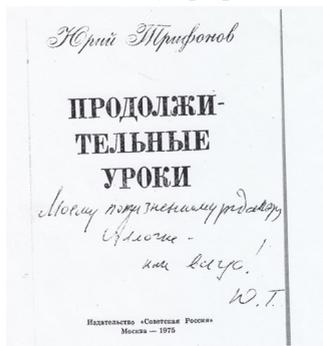
Писатель Аркадий Ваксберг отзывался о Пастуховой как о лучшем редакторе издательства.

Историограф А.Ганулич отмечал, что Пастухова, по отзывам самого Трифонова, дала ему очень многое в профессиональном плане. За этот период он как профессионал сильно вырос.

Трифонов высоко ценил литературный дар Пастуховой, ее эрудицию, чутье языка.

Он неоднократно повторял, что своим успехом обязан Алле Павловне. Она не просто редактировала книги мужа, она писала вместе с ним, была его соавтором. Об этом свидетельствует надпись на его книге «Долгое прощание», вышедшей в сентябре 1973 года: «Родной моей Алле – первой читательнице и первому критику и редактору всего, что составляет эту книгу. Все это написано с тобой!»

На титульном листе своей книги «Продолжительные уроки» (Изд-во «Советская Россия, М., 1975г.) Трифонов написал:

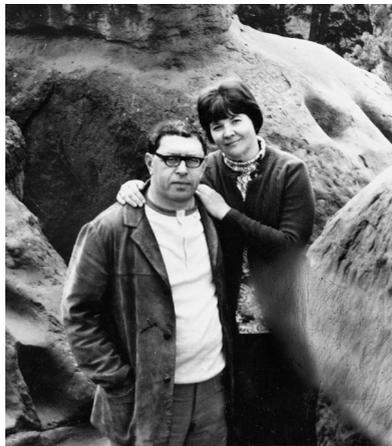
«Моему пожизненному редактору – Аллочке».

Автограф Ю. Трифонова на его книге «Продолжительные уроки»

Свой роман «Дом на набережной» (1976г.) писатель подарил жене со словами благодарности:

«Аллочка, спасибо тебе за все, что ты для меня делаешь. Спасибо за то, что ты у меня есть.»

В 1976 году Трифонов посвятил Пастуховой книгу «Другая жизнь» («Советский писатель», М., 1976 г.) Это была признательность за все, что Алла Павловна сделала для него за многие годы их совместной жизни.

Совместный отдых в Kisловодске. 1974 г.

Ю.В. и А.П. продолжали вместе работать над рукописями, ездили отдыхать на Рижское взморье, в Дубулты, Ялту и Kisловодск.

Дочь Трифонова вышла замуж и родила ребенка. Оставить отца и переехать к мужу она не решилась. Оля, ее муж Андраник Тангян и их маленькая дочка жили вместе с Трифоновым в его небольшой квартире на Песчаной. Алла Павловна не могла их стеснять.

Весной 1977 года планировалась поездка Трифонова в Норвегию. Он попросил

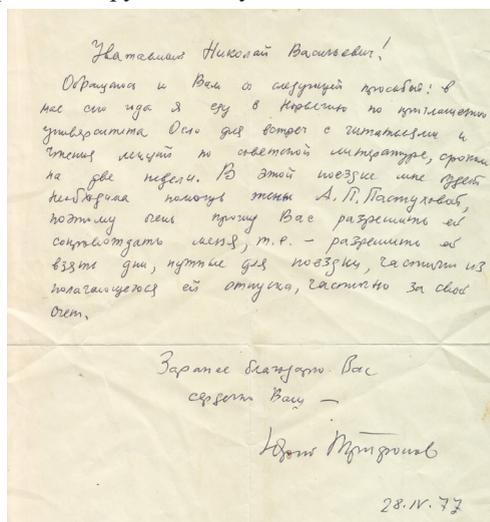
жену помочь ему в подготовке к лекциям по литературе, которые ему предстояло читать в университете Осло. Трифонов обратился к руководству Политиздата:

Уважаемый Николай Васильевич!

Обращаюсь к Вам со следующей просьбой: в мае сего года я еду в Норвегию по приглашению Университета Осло для встреч с читателями и чтения лекций по советской литературе сроком на две недели. В этой поездке мне будет необходима помощь жены А.П. Пастуховой. Поэтому очень прошу Вас разрешить ей сопровождать меня, т.е. разрешить ей взять дни, нужные для поездки, частично из полагающегося ей отпуска, частично за свой счет. Заранее благодарю Вас.

Сердечно Ваш – Юрий Трифонов

28.04.77г.

Письмо Ю. Трифонова Н.В. Тропкину

В конце 70-х к Трифонову пришли слава, мировая известность и материальное благополучие. Его стали активно печатать в нашей стране и за рубежом. О нем заговорили как о выдающемся писателе современности. Началась другая жизнь – новые друзья и связи, бесконечные интервью, поездки за границу, толпы поклонников и поклонниц.

Трифонов менялся на глазах. Это был уже не тот Трифонов, с которым Пастухову связывали одиннадцать лет личной и творческой жизни. На упреки и обиды жены он отвечал: «Я тебе не кто-нибудь, я Трифонов!» Успех, слава и женщины вскружили ему голову. Для Пастуховой, пожертвовавшей всем ради мужа, места в этой его новой жизни не оказалось.

Позже в своем дневнике А.П. написала:

«В памяти моей остались два Трифонова: один – любящий, трогательный, сентиментальный, другой – эгоистичный, высокомерный, возмнивший себя гением и потерявший способность видеть, чувствовать, сопереживать и адекватно оценивать все, что вокруг него происходило.»

Дочь Трифонова в своем интервью (журнал «Чайка» №2, 2015 г. стр.81) рассказала:

«После бурной славы, которую принесла Трифонову повесть «Дом на набережной» и постановка «Обмена» в театре на Таганке в 1977г., на него обрушилась толпа поклонниц. Он отдал предпочтение молодой, но уже известной актрисе театра и кино, которая все лето 1977 года ездила к нам на дачу, вызывая любопытство соседей. Для красивой дамы это было интересным, но коротким приключением. Она ничего не хотела менять в жизни, и они расстались. Отец немного погоревал, но вскоре стал оказывать внимание следующей претендентке.»

Этой претенденткой была Ольга Романовна Мирошниченко, с которой Трифонов стал встречаться с конца 1977 г. втайне от законной супруги.

Дочь Трифонова вспоминала, как в канун 1978г. отец приехал с Мирошниченко на дачу и представил ее как участницу своего семинара в институте, а потом отправился с ней в Москву встречать Новый год.

Когда Пастухова узнала об изменах мужа, она решила с ним развестись. Но Трифонов разводиться не хотел и продолжал жить то на даче, то у жены. Такие отношения длились около года. У Аллы Павловны не хватало мужества прервать их. Она все еще любила Трифонова. Потом она пожалела о своей нерешительности.

С начала 1978г. писателя часто видели с Мирошниченко в ЦДЛ. Однажды Трифонов приехал, дождался, когда жена уйдет на работу, чтобы не объясняться, собрал свои вещи и ушел. Нелегко было пережить такое предательство. Пастухова с головой ушла в работу.

А.П. Пастухова в конце 70-х гг.

В 1978 году исполнилось 10 лет со дня создания серии «Пламенные революционеры». Лучшие книги серии вышли под редакцией Пастуховой. Ее как ведущего редактора пригласили выступить на телевидении. Выступление А.П. имело большой резонанс. Интерес к серии возрос.

Вспоминает Владимир Новохатко:

В 1962 году мой университетский однокашник помог найти работу: я был зачислен в редакцию публицистики Политиздата, а в 1968 г. меня назначили заведующим редакцией серии «Пламенные революционеры». В новой редакции готовились и публиковались исторические романы и повести. Сначала редакция состояла из двух человек. Одним из них была редактор Алла Пастухова. При первых же разговорах с ней о литературе и поступающих рукописях выяснилось, что Алла очень квалифицированно оценивает рукописи и весьма начитанна. Мы с Аллой поняли, что одинаково смотрим на литературу и на общественную жизнь.

Выяснилось, что Алла знакома и даже дружна с Юрием Трифоновым, а я еще в 1958 году познакомился и подружился с ним: он был членом редколлегии журнала «Физкультура и спорт» по прозе, я же вел в журнале этот раздел. Юра публиковал в журнале свои спортивные рассказы. Дружба Аллы с Юрой переросла в любовь, и вскоре они поженились.

Мы с моей женой Галей были свидетелями регистрации их брака в ЗАГСе.

Алла обладала тончайшим литературным вкусом, писала очень убедительные редакционные заключения на поступающие рукописи. Но и была весьма требовательным редактором, не раз возвращая некоторые романы на доработку. Сколько раз авторы благодарили ее за то, что она давала дельные советы. Было тогда так называемое социалистическое соревнование, определяющее лучшую редакцию и лучшего редактора. Алла неоднократно признавалась лучшим редактором издательства. Она привлекла в авторы многих талантливых и известных прозаиков, вложив в популярность наших книг свою весомую лепту. Она действительно была прекрасным редактором.

Со временем редакция разрослась, в ней работали уже семь человек. Алла пригласила к нам свою университетскую подругу Ларису Родкину, такую же влюбленную в литературу и знающую ее, как и Алла. Книги нашей редакции моментально расхватывались читателями, мы не могли удовлетворить их запросы, хотя и издавались они огромными тиражами. Редакторская работа удивительна и неповторима. Надо очень-очень любить книгу, чувствовать слово, уважать авторский стиль и ритм. Всем этим обладала Алла, жила с любовью к литературе, к КНИГЕ.

Декабрь 2016г.

Профессиональная деятельность Пастуховой А.П. получила высокую оценку. Она была награждена почетными грамотами, многочисленными дипломами и медалями.

Конец 1978 года стал самым тяжелым в личной жизни Пастуховой: измены мужа, неопределенность в отношениях, тяжелая болезнь матери, кража документов и служебного удостоверения из рабочего кабинета и следовавшие за этим постоянные ночные телефонные звонки с угрозами.

После того, как Пастухова и Трифонов подали заявление о расторжении брака, ночные звонки прекратились. Развод состоялся 28 марта 1979 года. Алла Павловна ни на что не претендовала. Она считала для себя унижительным ставить вопрос о разделе имущества.

Мирошниченко ушла от своего 74-х летнего мужа (писателя Г.Березко), переехала к Трифонову, родила ребенка. С женитьбой Трифонов не спешил. Расписались Мирошниченко и Трифонов в августе 1979 года, когда ребенку исполнилось несколько месяцев.

Новая жена поселилась на даче писателя и сразу занялась переустройством дома. Дочь Трифонова жила с детьми и мужем в отдельном доме, который ей построил отец на дачном участке.

Из интервью Ольги Трифоновой-Тангян, дочери писателя (журнал «Чайка» №2, 2015 г., стр.90).

На вопрос, как складывались отношения Ольги с третьей женой Трифонова, дочь Ю.В. ответила:

«Мне сразу было дано понять, что вместе с отцом мы жить не будем...На даче начались непрерывные ремонты и стройки, а в Москве – хлопоты по получению новой квартиры.... Между нашими домами на даче был воздвигнут высокий забор.»

Ольга рассказывала, что отец сильно изменился. Он больше себе не принадлежал.

У Трифонова началась непривычная для него бурная и интенсивная жизнь: изматывающие заграничные поездки, приемы, застолья, встречи с иностранными журналистами, с новыми знакомыми и нужными людьми.

Времени на общение с дочерью и внуками не было. Ольге с семьей пришлось уехать и жить отдельно.

Единственный роман «Время и место», который Трифонов написал за два года жизни в третьем браке, получил отрицательную оценку. Сергей Баруздин, главный редактор журнала «Дружба народов», назвал последнее произведение Трифонова неудачным и художественно слабым. Писателю было отказано в публикации. Когда, наконец, с большим трудом удалось опубликовать роман в другом журнале, в печати появились неодобрительные отзывы.

Старый приятель Трифонова писатель Макс Бременер с сожалением отметил: *«Как человек стал иначе писать!»*

На вопросы друзей, интересовавшихся мнением Пастуховой о романе, она ответила:

«Романа как такового не существует, он разваливается на части – какие-то обрывки, написанные холодной рукой профессионала. ...Душа его умерла, а рука выводит слова. Осталось одно усталое мастерство. Не с негодованием читала я роман, а с горечью и болью. Мне было жаль бывшего Трифонова и страшно от того, как он расправился со своей жизнью.»

Дочь Трифонова вспоминала, как незадолго до своей кончины отец встретился с ней и предупредил, что все свои рукописи он отдал в редакцию. Больше ничего написанного нет. Ольга поняла, что он опасался того, что потом, после его ухода из жизни, под его именем появятся новые публикации. Опасения Трифонова были не напрасны. После его смерти посыпались фальшивые воспоминания и интервью. Умер Трифонов 28 марта 1981 года в день, месяц и час развода с Пастуховой. Многие говорили, что в случайность такого совпадения поверить трудно.

О том, как пережила Алла Павловна расставание с Трифоновым и его уход из жизни, она написала своей лучшей подруге:

«...Забить Ю.В. я не смогла, несмотря на его предательство. Он предал не только меня, но и себя, изменил всему, что было для него свято и дорого. И душа его не выдержала этого бремени другой, не нужной ему жизни, которую он выбрал... Он не только перестал писать, но и перестал жить... Я не ожидала, что так страшно ударит меня его смерть. Ведь я еще тогда распрощалась с ним навсегда. Но оказалось, что лучше бы жил, всякий, любой без меня, но пусть бы жил!»

...Я все-таки пошла на похороны, хотя это было невыносимо для меня. Поцеловала его в последний раз, а потом свалилась с высоким давлением на месяц. Я там была рядом с Олей, его дочерью. После его смерти она звонила мне несколько раз. Говорила, что часто вспоминает меня, поняла, что я бескорыстный человек.»

У человека всегда есть право выбора. Ему дана свободная воля. И от того, как он ею воспользуется, будет зависеть его дальнейшая судьба. Трифонов сделал свой выбор.

Из письма Пастуховой подруге Гале:

«...Ты знаешь эти восточные мудрые слова? – «Возьми все, что хочешь, – сказал Господь, возьми и заплати за все.» Это о нем (как и о каждом из нас, конечно). Он заплатил страшную цену за эту новую свою жизнь.»

Прошли годы. Пастухова по-прежнему успешно трудилась в издательстве. У нее продолжались теплые и дружеские отношения с большинством ее авторов. Они выражали ей признательность не только за ее профессиональные качества, но и за ее доброту и отзывчивость.

Юрий Давыдов («Завещаю Вам братья»):

«Дорогой Алле Павловне – с великой признательностью за внимание, доброту, изыскательность и сострадание. Спасибо!»

Н.Эйдельман («Твой девятнадцатый век»):

«Милой Алле Павловне – дружба, любовь и 19-й век впридачу!»

Чингиз Гусейнов («Неизбежность»):

«Алле Павловне с благодарностью как опытному литератору, прекрасному редактору, чуткому человеку – от автора.»

Яков Гордин («Три повести»):

«Алле, подруге и Ангелу моему в одном милом лице.»

Армен Зурабов («Тетрадь для домашних занятий»):

«Аллочке Пастуховой, непостижимо сочетающей ум и красоту, мужество и неустрашимую женственность – с благодарностью за самоотверженную причастность (редактора и человека!) к этой книге.»

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР Пастуховой А.П. было присвоено звание «Заслуженный работник культуры РСФСР». Это была высокая правительственная награда, которой удостаивались немногие.

В трудные времена, когда некоторые из друзей Пастуховой остались без работы, она помогала им. Друзья и родственники Аллы Павловны часто обращались к ней за советом. В сложных жизненных ситуациях она всегда находила правильное решение. Интуиция, которой она обладала, часто помогала предотвратить беду. В этом ее близкие убеждались не раз. К сожалению, А.П. не всегда прислушивалась к своему внутреннему голосу, если речь шла о ней самой. Эмоции, подвижная нервная система мешали ей выстраивать отношения с окружающими, противостоять злу, которое ей причиняли. Она часто обижалась, расстраивалась, чувствуя несправедливость, могла прервать беседу и резко прекратить общение. Но она никогда ни на кого не держала зла, быстро успокаивалась и возобновляла общение.

Конец 80-х и начало 90-х годов были нелегкими для всей страны. Трудности коснулись и работников Политиздата. Этот период стал для редакции самым напряженным.

В 90-е годы сменилось руководство Политиздата. Пришли новые, молодые. Судьба серии была предрешена. Пастухова осталась без работы. Ей пришлось довольствоваться случайными заработками. Сбережений не было. Трифонов после развода ничего ей не оставил.

В 1992 году Пастухова получила от дочери Трифонова письмо. Спустя годы Ольга многое переосмыслила, поняла, как была когда-то неправа, несправедлива к Алле Павловне.

Дорогая Алла Павловна!

Поздравляю с наступающим 1992 годом! Судьба привела нас в Гренобль, где в 1968 году во время Олимпийских игр находился Ю.В. Трифонов. Мы здесь пробудем, по крайней мере, еще год. Андрюша работает по контракту, девочки ходят в лицей, Миша в детский садик, я учу на курсах французский. Следим за событиями в Москве. Я часто вспоминаю своих близких, свое прошлое. Простите меня, что обижала Вас, часто не желая этого. Желаем Вам здоровья, крепости духа.

Ваша Ольга.

С конца 90-х Интернет заполнили воспоминания о Трифонове. Писали даже те, кто был едва с ним знаком.

Не ушел от соблазна написать о Трифонове и историк Рой Медведев. Прочитав его воспоминания, Пастухова была поражена тем, с какой легкостью он судил о том, чего не знал и в чем мало разбирался.

Трифонов никогда не считал Роя Медведева своим другом. Медведев сам искал общения с Ю.В., напрашивался к нему в дом, чтобы поработать с редкими книгами из его библиотеки. О творчестве писателя и его личной жизни он имел весьма поверхностное представление, судил об этом с чужих слов. С Пастуховой, женой Трифонова, был едва знаком, видел ее на даче 2-3 раза, когда она на выходные приезжала к мужу.

Однако многолетний союз Ю.В. и А.П., который был самым гармоничным и плодотворным в творчестве Трифонова, Медведев представил как краткий и незначительный период в жизни писателя. В своих воспоминаниях Медведев путал даты и весьма вольно истолковывал некоторые факты личной и творческой жизни Трифонова.

Из письма Пастуховой Медведеву:

«...Не буду перечислять все неточности, ошибки, допущенные Вами. Это неизбежно, если воспоминания пишет человек, так мало знавший Трифонова. Согласитесь, что Вы не были с ним близки.

...Вы не должны были касаться того, о чем имеете весьма смутное представление. Наша личная жизнь была очень далека от Вас. Вы ничего не знаете об этом, тем не менее почему-то беретесь информировать читателя. Мы вместе с весны 1967 года, расстались в 1978 году, развелись 28 марта 1979 года, а ровно через 2 года – 28 марта 1981 года он умер.

А уже насчет того, какие события из своей жизни Ю.В. «переносил» в свои произведения, Вы совсем не можете судить, так как не знали его до 67-го года, его отношений с первой женой (а ведь именно они, эти отношения, так или иначе отразились и в «Обмене», и в «Предварительных итогах», и в «Долгом прощании».

Все, начиная с «Обмена» и кончая «Стариком», было написано во время нашей совместной жизни, при моей очень сильной включенности и погруженности в его творчество.

Далеко не со всем могу я согласиться в Вашей оценке творчества Трифонова, его взглядов, характера, поведения, круга общения и т.п. В чем-то Вы очень субъективны, пристрастны, иногда тенденциозны. Далеко не все знаете, включаете догадки.

В печати уже появлялось немало неправды и даже откровенной лжи о жизни и творчестве Трифонова. К счастью, есть опровержение, написанное Твардовской в «Вопросах литературы.»

...Кстати, Ваши соображения по поводу «Исчезновения» справедливы. Это действительно начало большого задуманного и неосуществленного романа. Могу только добавить то, чего Вы не знаете. Написана эта часть будущего романа в 1968 году и положена в стол, так как в то время публикация была невозможна. Если Вы внимательно вчитаетесь в текст этого автобиографического романа, то увидите, что из него выросли и «Дом на набережной», и «Другая жизнь», и «Возвращение Игоря». Из этого романа пошли сюжеты последующих повестей Трифонова...»

В архиве Пастуховой сохранилась копия ее письма Медведеву. Решилась ли она отправить письмо и успела ли это сделать – неизвестно. Но ее принципиальная позиция заслуживает уважения. Больше всего Пастухову возмутило то, как в своих воспоминаниях Рой Медведев отзывался о писателях, книги которых вышли в серии «Пламенные революционеры». А.П. не могла пройти мимо такой несправедливости. Именно это и явилось основной причиной написания письма.

«...Считаю своим долгом защитить серию и ее авторов, в ней печатавшихся. Если бы Вы потрудились хотя бы посмотреть перечень вышедших в этой серии книг (впрочем, в самые трудные для нашей литературы годы), то обнаружили бы там имена Б.Окуджавы, Н.Эйдельмана, А.Борцаговского, В.Аксенова, Ю.Довыдова, И.Ефимова, Я.Гордина, С.Рассадина и других. Между прочим, известный роман Ю.Трифопова «Нетерпение» тоже из этой серии. Вряд ли авторы согласятся с Вами, что писали кое-как, не дорожа своим именем, только ради денег. Это клевета. Как можно утверждать такое и порочить таким образом редакцию, которая помогала писателям в трудные времена, давая им возможность печататься.

...Только прошлое уважение к Вам заставило меня не публиковать опровержение, а написать письмо Вам лично.»

А.П.Пастухова.

Пастухова не хотела никаких перемен в своей личной жизни, но с друзьями она продолжала общение. Одни встречались с ней, приезжали в гости, другие переписывались, поздравляли ее с праздниками.

Алла Павловна!

Не по долгу – по душе и зову ее поздравляю Вас с праздником. Оставайтесь и дальше такой же милой, чуткой, умной и обаятельной, какой я знаю Вас вот уже добрый десяток лет.

Ваш Лебедев

«...Давайте снова дружить, переписываться и толковать о прочитанном.»

И. Ефимов

Дорогая Алла Павловна!

Пользуюсь случаем, чтобы еще раз сказать Вам, что я Вас очень люблю, всегда помню Вашу доброту и участие в самые трудные для нас времена.

Спасибо Вам за все, за все! Поздравляю Вас с праздником Весны и от души желаю, чтобы все в Вашей жизни складывалось так, как Вы этого достойны, а достойны Вы всего самого прекрасного.

Всегда Ваша, Лидия Лебединская

Однажды Пастуховой пришло письмо. Автора письма, журналиста и литератора, возмутили новые публикации о Трифонове, статьи и интервью его вдовы в интернете.

Пастуховой было предложено дать правдивое интервью о писателе. Алла Павловна ответила, что тему «Трифонов» она навсегда закрыла и не будет о нем ни говорить, ни писать, ни полемизировать с автором публикаций. Она сказала, что не станет опускаться до разбирательств и выяснения отношений с теми, которые, идя на сделку с совестью, позволяют себе писать откровенную ложь и зарабатывать на имени писателя. Жизнь сама рано или поздно расставит все на свои места.

Всем, кто настойчиво предлагал Пастуховой написать воспоминания о Трифонове, она повторяла: «Мне есть, что сказать, но делать это я не буду – очень больно ворошить прошлое. Я не могу и не хочу выволакивать свою жизнь на всеобщее обозрение. Мне глубоко чуждо все это».

И только в личной переписке Пастуховой с друзьями и близкими проскальзывали иногда обида и душевная боль. И беспокоили ее больше всего не лживые публикации, «воспоминания» и интервью, а то, как человек, ради которого она пожертвовала своей карьерой, смог пойти на предательство.

Самой большой болью Аллы Павловны было не расставание с Трифоновым, а осознание того, что она загубила свою жизнь, не дописала начатую ею книгу о Чехове и не реализовала свой талант, данный ей от Бога. Слишком поздно пришло понимание, что не стоило жертвовать собою.

Своим жизненным принципам Алла Павловна никогда не изменяла. Она была не способна на ложь, измену, предательство. Таким людям, бескомпромиссным, не умеющим приспособливаться к обстоятельствам, бывает в жизни нелегко. Их часто не понимают, осуждают.

Главное в жизни, – считала Алла Павловна, – это быть собой. Эти взгляды разделял ее друг – писатель Марьянин.

Из письма Марьянина Пастуховой:

«Что мне нравится, чем я даже восхищен, это Вашими отношением к жизни – бескомпромиссным, чтобы все на белом, никаких черновиков. Такое получается у немногих. Такой была наверное Марина Цветаева. Во всяком случае, в дочери ее, в Ариадне Сергеевне, я эти черты наблюдал.

...И отсюда, от Вашей позиции, это серьезное отношение к жизни – все или ничего!

Мне приходилось сталкиваться со многими значительными людьми, из такого нравственного призыва к четкости жизненной позиции я ни от кого не слышал».

Пастухова много читала, в том числе и новые книги писателей, с которыми ее связывали долгие годы сотрудничества. Они посылали ей свои публикации, делились с ней своими мыслями, спрашивали ее мнение, которое они высоко ценили.

Из письма И.Ефимова А.Пастуховой:

«Милая Алла! Я давно ношусь с идеей учредить премию «Лучший читатель», «Лучший зритель». Верно, что способность ярко воспринимать художественное произведение – особый дар, которым обладают далеко не все. Вас часто представлял одной из первых в списке кандидатов на такую премию. Наверное, и Чуковский почувствовал то же самое, прочитав Вашу статью о Чехове.

...Грустно, что Вы не приняли мой скромный подарок. Прямо какая-то Настасья Филипповна у камина! Лучшие бы купили на эти деньги машинку, а то и компьютер, чтобы мы могли переписываться по электронной почте.

Кстати, у меня уже 20 лет здесь стоит без дела русская машинка югославского производства. Можно я попробую передать ее Вам с каким-нибудь путешественником? Или Вы и ее гордо швырнете в окошко?

...А когда же приступите к писанию мемуаров? Сейчас я читаю «Воспоминания» Панаевой – так интересно! И перед Вашими глазами прошло не меньше ярких персонажей. ...Пора, Алла, пора!

Буду ждать от Вас ответа. Очень хотелось бы с фотографией. Неважно – нынешней или старинной. Вы – нужный и дорогой в моей жизни человек, как-то неправильно не иметь Вашей фотографии.»

И.Ефимов. 24.03.2004г.

Пастухова всегда отказывалась от предлагаемой ей помощи. Она привыкла рассчитывать только на себя и никогда и мысли не допускала о том, что в жизни придется от кого-то зависеть, кого-то обременять, быть кому-то обязанным. Она всегда была готова отдавать, а не принимать.

В 2009 году круг общения Пастуховой сузился. У нее начались серьезные проблемы со зрением – сказалась многолетняя нагрузка на глаза от постоянного чтения рукописей. Ей стало трудно читать и вести переписку из-за прогрессирующей болезни – макулодистрофии сетчатки. Для Пастуховой, человека деятельного, читающего, интересующегося новинками литературы, невозможность читать, как раньше, стала настоящей трагедией.

До последних дней Алла Павловна сохраняла феноменальную память, трезвый аналитический ум, беспокоилась о близких, сама себя обслуживала. Ее внезапная кончина от инсульта в октябре 2014 года стала ударом для всех, кто ее любил.

Алла Павловна остро чувствовала чужую боль, жила не для себя, а для других, никому не отказывала в помощи, несла людям добро и свет своей души. Такой знали ее друзья. Такой увидел ее замечательный писатель и человек Корней Иванович Чуковский. Он, как никто другой, сразу понял Аллу Павловну, разглядел в ней главное – душу. Хочется еще раз вспомнить его слова, адресованные Алле Павловне:

«Чем Вы отличаетесь от миллиона сверстниц? Тем, что у Вас есть душа.»

Друзья, коллеги и близкие Пастуховой сочли своим долгом написать о ней. Представленные материалы из архива Пастуховой, статьи, письма, рецензии, отзывы известных писателей дают возможность оценить профессиональные и душевные качества Пастуховой, а также ту важнейшую роль, которую она сыграла в жизни и творчестве своего мужа – писателя Трифонова. Алла Павловна Пастухова была прекрасным человеком, добрым, светлым, талантливым. Такой она навсегда останется в сердцах знавших и любивших ее людей.

Материалы подготовила филолог Татьяна Колесникова.